

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ЕГО
СТРАННОЕ
СИЯТЕЛЬСТВО

ГОЛОСА ПОД КОЖЕЙ ● ● ● ● ●

ТАЙНЫ БОЛЬШЕ НЕ СПРЯТАТЬ В СЫРОЙ ЗЕМЛЕ

! 18+

Андрей Евгеньевич Фролов
Его странное сиятельство.
Голоса под кожей
Серия «Слово джентльмена.
Мужское историческое фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74020342

Его странное сиятельство. Голоса под кожей / Андрей Фролов: Эксмо;

Москва; 2026

ISBN 978-5-04-247093-6

Аннотация

1886 год, Ново-Петербург – столица Российской империи и оплот некрофамилиаства, загадочного культа мертвых.

С борта небохода сошли их сиятельство граф Андрей Протасов и его верный компаньон Илья. Одному из них пришлось вернуться домой после долгого отсутствия, второй впервые в холодной столице. Один прибыл уладить семейные дела, второй движим мотивами куда более интимными и таинственными. Чем встретит напарников серокаменный Ново-Петербург, цитадель сильнейшего в мире государства, где вот уже двести лет мертвые не молчат?

1. Добро пожаловать в Ново-Петербург! Город, где имперское золото соседствует с восточными остроконечными крышами;
2. Partners in crime: харизматичный граф Андрей Протасов и его суровый, но чрезвычайно полезный подручный Илья;
3. Смерть – это еще не конец: культ некрофамилианства даровал жителям империи возможность общаться с умершими родными и обращаться за советом к гениям прошлого;
4. Экшн в лучших традициях фильмов Гая Ричи: погони, драки в подворотнях, разборки с городской мафией, прекрасные дамы и джентльменские шутки
5. Тайна в тайне: куда приведет Андрея и его спутника нить, оставленная Протасовым-старшим?

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Фролов

Его странное сиятельство.

Голоса под кожей

Серия «Слово джентльмена. Мужское историческое фэнтези»

Иллюстрации *Renge. R*

© Фролов А., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Здесь же, но позже

Пороховой дым вкрадчиво струился по заброшенному пакгаузу, полз змейками, распадался на дюжины призрачных ручейков, овивал и будто бы ощупывал пространство.

Спиралями кружил вдоль деревянных потолочных подпор, измочаленных дробью и пулями. Прикасался к ножу, торчащему в одной из таковых. Старательно огибал тела на полу, одно еще шевелящееся, мерно истекающее красным, второе – совершенно недвижимое.

В сердцевине секретного склада дым словно бы преднаме-

ренно не копился, предпочитая держаться подальше от полуразобранного моторизованного экипажа. И от плечистого блондина, закованного в паровой скелетный усилитель тела, сейчас лежащего на животе в центре свободного пятака.

Растекаясь вдоль стен, пороховой дымок трогал сброшенные на пол револьверные гильзы, утопшие в соломе и опилках; отражался в луже крови, еще блестящей, не помутневшей; ласкал отброшенную под верстак двустволку.

Наконец дым подтек к жилистому мужчине в кожаном сюртуке, припавшему на колено. Вполз в его ноздри, и тот жадно втянул аромат, будто вдоль пекарни на рассвете прошел. Склонил голову и еще раз пристукнул стволом револьвера по наплечной раме поверженного.

Второй мужчина в зеленом, чуть подрагивающий и бледный, наблюдал за происходящим с большого дощатого ящика; в одной руке его устало повис наган, в другой – трость.

Цех продолжал наполнять мерный перестук – это револьверный ствол методично целовал нательный армейский конструкт, будто бы отмеряя утекающие секунды. Закованный в этот самый конструкт с жаром в чем-то клялся, но обладатель трости почти не слушал, внимательно наблюдая за реакцией товарища – не спустит ли курок?

– Со всем почтением, друг мой, я обязан заявить, – наконец отметил он с малозаметным нервическим трепетанием, – что несколько иначе представлял себе наши с вами приключения...

Его напарник – крепкий, иссеченный временем и невзгодами, совершенно неподобающего приличному обществу вида – поднял глаза. Но отзванивать стволom по железке перестал.

Улыбнулся чуть хищно, но не без лукавства:

– Однако же признайте, что вам решительно нескучно.

– О, это уж несомненно!

Глава первая

Молодой граф. Дыхание прогресса. Родовое гнездо

Огромный город подстилался под тушу небохода, неукротимо подползал и завоевывал все поле зрения, от края до края. Абсолютно чистое небо – сюрприз хороших погод, достойный подарок сибирякам, – позволяло рассмотреть столицу в мелочах, даже периферии.

«Основательный» проплывал над городом с юго-востока к западной оконечности. Неторопливо, словно давая пассажирам возможность вникнуть в его географию, как при изу-

чении макета, пока небоход не достиг причального поля.

Любой желающий мог прочертить мысленный треугольник между толстостенными Западной, Китайской и Восточной фортециями; зажмуриться от бликов на поверхности величественной Оби, ощутить фундаментальную целенаправленность широченного Обского проспекта и суровую мощь заводов; восхититься геометрией респектабельных районов, упорядоченных по западным образчикам, и тут же умилиться суетой окраинных домишек да многоярусным хаосом азиатских кварталов.

Императорский дворец в Южнобережной части столицы бравировал золочеными шпилями, человечки и кареты на Сенатской площади казались игрушечными. То здесь, то там солнечными зайчиками подмигивали пассажирам редкие маковки православных церквей. Пряталась за плотным угольным покрывалом паровозного дыма туша центрального вокзала – главного транспортного узла гигантской империи.

Однако ключевым объектом интереса, безусловно, оставалось главное некрофамилианское святилище империи – собор Вечного Клавдия, величественный Дом Необрываемой Жизни в сердце столичного Правобережья, затыкающий за пояс и римского Петра, и чешского Вита, и константинопольскую Софию.

Огромный, но вовсе не помпезный, он занимал сразу четыре квартала, вызывая почтительный трепет последовате-

лей и завистливое негодование любого неприятеля.

Когда небоход миновал Обь в условной сердцевине столицы, становилась наиболее заметна ее лаконичная гениальность, лучевой тип градообразования, географические достопримечательности и связующие оси, равно и как два магнетических центра сходов этих осей – Всеимперский Клавдий на одном берегу и Адмиралтейство на обратном.

Впрочем, на борту «Основательного» желающих оценить величие столицы с точки зрения птиц выискалось всего ничего – у фронтального остекления комфортабельной пассажирской гондолы стояли лишь двое мужчин, молча изучавших город внизу.

Тот, что повыше и чуть моложе на вид, был одет в добротный темно-зеленый сюртук, немного устаревший для столичной моды, но все еще допустимый в приличном обществе; на ногах носил ботинки для путешествий, этих путешествий повидавший в избытке.

Тот, что малость пониже, от пяток до макушки упаковался в потертую телячью кожу – от штанов и высоких, почти до колена, сапог до черного сюртука с толстым стоячим воротом. И даже компактный черный же котелок, лежащий на диване, также был вытянут из кожи. Весь наряд мужчины выглядел отнюдь не с иголки, определенно повидал непростые времена, но все же выдавал бережное отношение хозяина и его опрятность.

Оба были гладко выбритыми, осанистыми и весьма креп-

кими брюнетами, что за время путешествия неоднократно приковывало к молодым господам взгляды путешествующих на «Основательном» дам всех возрастов.

– Потрясающий город, – негромко оценил первый.

Серые глаза его сверкали, он с жадностью всматривался в проспекты, переулки и еще оголенные парки. Отдельное внимание уделил Императорской Академии художеств и чугунолитейным заводам.

– *And, which is worse, all you have done, hath been but for a wayward son, spiteful and wrathful; who, as others do, loves for his own ends, not for you*¹, – задумчиво и тихо продекламировал он же. – И сколько здесь нынче обитается?

– Более миллиона душ, граф, – столь же негромко ответил его спутник, изучая город с куда большим спокойствием, – и это не считая *пребывающих в камне*, разумеется.

Он вынул из пистончика потертые часы, щелкнул крышкой и добавил с легким смешком:

– Вы, Андрей Константинович, так впечатлены, словно отродясь в столице не бывали.

Хоть в голосе мужчины и звучало дружеское лукавство, бледно-голубые глаза казались полуживыми, непроницаемо-змеиными, как и взгляд их, нацеленный на все сразу и ни на что в отдельности.

– Что поделать, Илья Генрихович, – Андрей Константи-

¹ К тому же этот властелин – ваш дерзкий и строптивый сын: он грозен, но, других губя, не вас он любит, а себя. (Пер. М. Лозинского.)

нович улыбнулся собственному отражению, оправил каштановую челку, – время никого не щадит...

Он обернулся и окинул взглядом полторы сотни пассажиров небохода, даже не сдвинувшихся с мест на подлете к столице. Важные пузатые господа читали газеты; дамы время от времени поглядывали в бортовое остекление, но лениво, с нарочито искусственно-презрительным видом, будто в перелете участвовали далеко не первый раз и вообще видали и не такое.

Пахло выпечкой, свежим кофе и многоотным букетом парфюма.

– Полагаю, – сероглазый мужчина едва шевелил губами, но спутник был привычен и шепот уловил, – Илья Феоκлистович, к местной публике мне тоже придется осваиваться заново?

– Верно полагаете, – кивнул тот. Бросил последний взгляд на дворцы и храмы, на наползающее причальное поле, и тоже осмотрел просторный салон. – Уверен, ваше сиятельство, она вас еще неоднократно удивит.

Тем временем небоход окончил неторопливый круиз над столицей и с подветренной стороны подкрался к причальной мачте. С носовой кабины сбросили гайдроп, игрушечные человечки внизу шустро сцепили его с тросом вышки.

Заработали лебедки, «Основательного» качнуло, развернуло под нужным углом и бережно подтянуло к башне.

Звуки швартовки небохода в стыковочное гнездо слов-

но пробудили публику, пассажиры торопливо допивали кофе и начинали готовиться к выходу. Перед глазами Андрея замелькали утепленные пальто с меховыми воротниками, несколько шуб; блестели атласом дорогие цилиндры.

На парочку у фронтowego остекления косились осторожно, и – в основном мужчины – с легким неодобрением. Впрочем, как и весь перелет из Иркутска. Это же нужно такое удумать, допускать слугу в первый класс? Да еще и такого... жутковатого...

Граф вежливо улыбнулся в ответ на пару перехваченных взглядов, подхватил с дивана черную, чуть подкрученную в спираль трость-шилейлу. Элегантным, почти театральным жестом водрузил на голову вполне приличный, пусть и не самый новый стетсон средних полей и тульи. Илья тут же вынул из дивана походный саквояж и надел котелок.

Однако к выходу, пропуская самых нетерпеливых пассажиров, парочка не направилась, дожидаясь очереди в сдержанном иронизировании над нелепой спешкой.

Шлюзовую кабину открыли, человек стал приглашать на выход, где подоспевший капитан облачного судна вежливо раскланивался с каждым уходящим гостем.

Судя по шуму, с нижней палубы взялись разгружать багаж. Когда полторы сотни мужчин, женщин и детей перешли в башню, а первые платформы стали уносить прибывших вниз, граф и его компаньон тоже покинули борт «Основательного». Раскланялись с капитаном, остановились у по-

ручной.

Высота причального перста была даже более пугающей, чем по время путешествия, но Андрей бесстрашно навис над перилами. Прорекламиривал в чистое небо, не смущаясь тем, что сильный холодный ветер уносит половину слов:

– Сим заверяю, что двенадцатого апреля восемьдесят шестого года с палубы небохода «Основательный» на земли столицы Российской сошли граф Андрей Протасов и его верный старпом Илья Харитонов, в путешествии своем нелегком оставившие за спиной добрую половину земного...

Илья прочистил горло, и Протасов непостижимым образом услышал. Покосился, наткнулся на скептический взгляд, улыбнулся и виновато развел руки.

– Простите великодушно, друг мой, – хохотнул он, – ничего не могу поделать, хорошее настроение!

Три небольшие очереди к пункту пропуска быстро иссякали, и мужчины двинулись вперед. Чиновник таможни, сверяющийся со списками, бросил на них быстрый взгляд, опустил в книги, но уже через секунду взглянул снова. На этот раз с плохо скрытым удивлением.

– Граф Протасов, ваше сиятельство... – пробормотал он, стараясь не пялиться на Илью, – и его приказчик... Харитонов, если не ошибаюсь?

Не пялиться у него выходило до безобразия скверно.

Впрочем, оно и понятно. Кроме непродуваемых облачений приказчика, внимание притягивала и серьга с белоснеж-

ной костяной фигуркой, и кожа – загорелая почти дочерна, обветренная. А еще грубый шрам на лбу и совершенно варварская угольная татуировка, убегающая с левой щеки под шейный платок и ниже под одежду.

Чиновник перевел беспомощный взгляд на графа, снова на слугу и вновь на Протасова. Илья чуть заметно улыбнулся, но глаза его при этом оставались холодными, как пробирающий башню апрельский ветер.

Обоим было не привыкать, сходство Андрея и его помощника отмечалось даже несмотря на легкую разницу в росте и оттенках загара. Таковое сходство, как неоднократно и с нотками таинственности пояснял Протасов наиболее любознательным, всенепременно образуется меж конгениальными людьми, длительно существующими бок о бок, увлеченными общим делом и, что немаловажно, повязанными непростой судьбой...

– Вы намерены что-то задекларировать, ваше сиятельство? – наконец ожил чиновник, делая пометку в книге.

– Никоим образом, – Андрей проделал неопределенный жест, – я путешествую налегке. Дела семейного характера, если это имеет значение.

Илья вдруг глубоко вздохнул, отвернулся посмотреть на огромный город и одним пальцем помассировал правый висок.

– Добро пожаловать в Ново-Петербург, граф! – таможенник выпалил это весьма воодушевленно, но искренности в

голосе примечалось ничтожно мало.

Харитонов благодарно кивнул, а Андрей пристукнул тростью о металлические пластины этажа и зашагал под крышу, где размещались спуски.

– Друг мой, только не говорите, что эту сотню метров вниз мы будем обязаны отмучиться по ступенькам! – тихо взмолился он, озираясь в поисках указателей.

– Обижаете, ваше сиятельство, – Харитонов позволил себе кривую улыбку и указал на ряд двустворчатых дверей справа. – Мы оба видели разгрузку.

– Подъемные машины! – Андрей с интересом подступил, прислушался к гулу. – И даже не паровые?

– Насколько мне известно, – его спутник взглянул вниз через решетчатое ограждение шахты и убедился, что свободная кабина уже поднимается к ним, – уже после своей смерти двадцать лет назад господин Отис помог русским усовершенствовать собственное изобретение. А первый электрический подъемник в столице заработал еще... где-то в восьмидесятом.

– Потрясающе, – поджав губу, покивал Протасов. – И даже кнопочная система... Какое спасение для натруженных скитаниями ног!

Вниз спускались в составе последней группы пассажиров «Основательного». Детишки баловались и шумели, присоединившиеся к семьям слуги безуспешно пытались навести тишину.

Граф зачарованно впитывал виды города, к которому они становились ближе с каждой секундой. На Илью косились, но лишь до тех пор, пока тот не отвечал прямым и спокойным взглядом.

Едва подъемная кабина опустилась до наземного уровня, к ней бросилась стайка юношей в утепленных ливреях «Толмачевских причальных полей». Вероятнее всего, служащие имели прямую координацию с чиновниками на вершине причальной башни, потому что один из молодых людей тут же подскочил к Андрею и Илье – услужливый, быстрый, разве что каблуками не прищелкнул.

– Господин Протасов? Ваше сиятельство, куда прикажете багаж?

Тот поежился, вскинул воротник, огляделся с удовольствием куда меньшим, нежели на борту небохода.

– Ваньки у вас имеются?

– Собственный парк, ваше сиятельство!

– Наймите, – приказал Харитонов, выступая вперед и протягивая юноше монету. – Загружайте и подавайте, поедем на Шпалерную.

Юноша испарился, граф снова завертел головой.

В небе над причалами парило изрядное множество небоходов, причем коротающий время Харитонов даже провел лекцию, отметив часть явно зарубежного производства с чуть измененной системой подвески гондол.

Некоторое количество судов отчаливало на юг или запад,

столь же многие только тянулись к полю для швартовки, в режиме бесконечного конвейера доставляя в столицу новые сотни гостей и тонны грузов.

Потянуло табаком – пассажиры едва прибывших небоходов старательно дымили папиросами и трубками, бесчеловечно лишенные такой возможности за весь длительный перелет.

На земле вокруг поля тоже царило оживление, легко путаемое с хаосом. От станций разъезжались кареты, как дождавшиеся господ, так и нанятые на месте; виднелись даже омнибусы для менее обеспеченных гостей столицы.

Чемоданы Протасова загрузили довольно быстро, что, в том числе, обуславливалось их малочисленностью. Когда ландолет со знаком «Толмачевской причальной артели» на борту подогнули к поросшей травой обочине, граф и Илья быстрым шагом добрались до транспорта, где Андрей столь же торопливо укрылся под выдвижным тентом.

Обстоятельно устроился на сиденье, одернул полы сюртука и с довольным видом сложил руки на набалдашнике трости. Он был похож на ребенка, которому наконец дозволили развернуть именной подарок.

– Ну что, господин Харитонов, – многозначительно поинтересовался он, – покатаемся навстречу настоящим приключениям, удивительным и непостижимым никому, кроме нас?! Не стану скрывать, душа моя ликует в предвкушении. Убежден, предприятие сие будет ярким и, смею надеяться,

также скоротечным и необременительным.

Илья деловито пересчитал багаж в решетчатом отделении за тентом, забрался следом и уместил саквояж на коленях.

– Приложу все усилия, ваше сиятельство, – он почтительно склонил голову, отчего белая серьга качнулась. – Дозволите нескромный вопрос?

– Несомненно.

– Вы готовы? Все как было оговорено?

– Все как было оговорено, – решительно кивнул Андрей. – А затем расходимся персональными галсами.

– Отрадно слышать. В таком случае находим, забираем и уезжаем.

Граф задумчиво куснул губу.

– Также, безусловно, решив вопрос с наследованием...

– Разумеется.

На лице Протасова снова возникла шаловливая улыбка.

– Но приключения все же обещаете?

Теперь Харитонов не сдержался, улыбнулся, пусть и не очень широко.

– Всенепременно, граф. Как вы и изволили выразиться, скоротечные, необременительные и со скорым отъездом из пыльной сибирской столицы.

– Едемте! – Протасов пристукнул тростью, и ванька принял это за распоряжение чуть щелкнуть вожжами. – Однако же, право слово, здесь чертовски зябко, и я виню себя, что спрятал шарф...

– О, – задумчиво протянул Илья, не переставая внимательно оценивать многочисленную публику у края поля и подъезжающих к станциям карет, – уверяю вас, что сибирская весна еще даст о себе знать.

– Друг мой, – теперь в голосе Протасова слышалась капризная просьба, – молю, напомните мне отныне одеваться потеплее!

Ландолет покатил, извозчик беззлобно переругнулся с коллегами, вывернул на свободное место и направил пару лошадок в примеченную брешь среди столпотворения людей, колясок и животных.

Андрей осматривался с интересом и охотой, Илья – спокойнее, лишь редкими кивками поддерживая энтузиазм графа и время от времени потирая висок. Он казался задумчивым и сонным, но по-настоящему поверить в это смог бы лишь весьма малознакомый с ним человек...

Менее чем через километр коляска выкатила на добротную брусчатку, причем плотную, малотряскую. Приготовившийся к болтанке Протасов авансом сморщился в предвкушении неприятного, но уже через минуту с интересом взглянул на заднее колесо.

– Современнейшие рессоры у портового ваньки? – с недоверием осведомился он, и Харитонов молча кивнул. – Подумать только... что ж, друг мой, вынужден начать кампанию по признанию – пока столица производит на меня внушительное впечатление сосредоточия самых передовых техно-

логий!

– Мне кажется, граф, – с тонкой улыбкой ответил Илья, – что в этом вам еще предстоит убедиться неоднократно.

С параллельной тракту дороги, самой простой, самотоптанной и земляной, понесло пылью, и Протасов прикрыл лицо платком. Выглянул, хмыкнул. Там текущие мерным стадом в сторону Ново-Петербурга с запада надвигались группы людей – где по пять – десять человек, а где и до полусотни.

Одеды странники были разношерстно, вид и нацию имели самые разнообразные. И лишь взгляды горящих, устремленных к шпильям далекого Клавдия глаз были схожи – воодушевленные, едва ли не чахоточные.

– Это что же, господин Харитонов, паломники?

– Именно, ваше сиятельство. Со всего, осмелюсь предположить, мира.

– Подумать только... – Протасов нахмурился над прижатым платком. – И каким образом на них хватает сил и мощностей?

– Каждый Дом столицы связан с Дарами системой современной подземных и даже подречных коммуникаций, ваше сиятельство. А еще не забывайте про службу транспортиции, коей в пределах одного города работать вполне сподручно.

Андрей Константинович покивал, еще раз окинул взглядом толпы, подступающие к городу, будто дружелюбное иго; пробормотал что-то невразумительное, но с одобрением.

Буквально через четверть часа необрамленный Толмачевский тракт совершенно магическим образом переплавился в полноценную городскую улицу. Брусчатку еще более высокого качества обступили огородные избы и двухэтажные срубы, затем улица заложила широкий крюк, с севера огибая Западную фортецию. Дальше за бортом ландолета показались фабрики и кирпичные дома.

Прибавилось публики и на самой проезжей части – навстречу портовой коляске устремлялись кареты, фаэтоны, брички и повозки, а однажды даже обогнали мотоциклет и моторизованный экипаж с двумя мужчинами в салоне. Стало шумно, вновь пыльно; под тент с бывшими пассажирами «Основательного» врывалось все больше городского гама.

Ванька свернул на Татарский проспект, и Протасов снова многозначительно покивал. Илья, по-прежнему чуть менее восхищенный, тоже вертел головой, пусть и не так живо.

За годы отсутствия графа изменились даже окраины. На месте изб встали трех- и четырехэтажные дома, их подпирали средней респектабельности особняки, а за линиями жилых построек вскинулись в небо трубы промышленных предприятий. Дышать стало еще тяжелее, но Андрей спрятал платок – к столичному воздуху приходилось привыкать.

Чем глубже ландолет въезжал в город, тем шире становились улицы, пусть и изрядно запыленные, тем больше появлялось фонарных столбов, причем почти повсюду с электрическими лампами.

Архитектурные стили Европы и Азии сшибались в постройках, будто бурбон и вермут. На первый взгляд – совершенно несочетаемые, на пробу и вкус – отменно гармоничные. Базальтовые портики и колонны мирно соседствовали с деревянными китайскими арками на входах в парки или курносо-вздернутыми уголками крыш.

Единственное, что роднило столь противоречивые смешения, – многочисленные маскароны-черепки и прочая некрофамилианская тематика, изобильно представленная на большинстве фасадов.

Харитонов проследил за взглядом Протасова. Придвинулся, подбородком указал куда-то вовне, то ли на пешеходов, то ли на постройки.

– Если память юности подводит вас, любезный граф, ожидайте еще десять-двадцать минут, и Ново-Петербург явит вам истинную мощь своей архитектуры, – совершенно серьезно сказал он, и Андрей в предвкушении поерзал.

Впрочем, тут же прокомментировал с легким удивлением: – Повсюду, тотально повсюду... не многовато ли?

Он сделал неопределенный жест, но Илья без труда догадался, о чем речь.

Черепки, как голые, так и обрамленные венками и розами, каменные и деревянные, глиняные, лепные и отлитые из бронзы, провожали их со стен особняков прицелами пустых глазниц. Кроме черепков и скелетов, в настенной орнаментике хватало также венков, цветов и элементов, в которых уга-

дывались стилизованные кости.

– Для русского, в особенности сибиряка, Смерть – преданная союзница и надежная подруга, – негромко пояснил Илья и бережно прикоснулся к серьге. – А избыток образов? Предположу, что столичное положение обязывает. Но вы скоро привыкнете. Заново.

– Надеюсь, – улыбнулся Протасов, но теперь чуть более натянуто. – Однако, знаете ли, я в памяти своей представлял город чуть менее... азиатским?

Харитонов, казалось, подобной ремарки ждал.

– Все так, восточного ветра на этих улицах теперь более чем в избытке, граф, – он кивнул и почтительно пояснил, не переставая с обманчивым равнодушием рассматривать пешеходов за бортом коляски: – Все еще превалирующая романтизация архитектуры объясняется довольно просто – ей Россия обязана целой армии ученых мужей, в свое время тайно или открыто привезенных Петром Алексеевичем в Сибирь.

Протасов покосился на компаньона, но комментировать пока не стал. Предоставил продолжать, и долго ожидать не пришлось.

– Вы, Андрей Константинович, просто не представляете, как много их тут было в начале восемнадцатого столетия... Вот вам и доминирующая стилистика. Но азиаты... Общепринято считать, что узкоглазый дракон слишком долго выжидал. Не доверял русским тайнствам. До тех пор, пока самые скептически настроенные из них на собственном опыте

не убедились в нашей правдивости и искренности.

Извозчик снова сменил улицу, теперь направляясь к Оби в объезд правительственных кварталов Южнобережья. Лошадки бежали мерно и прытко, ландолет почти не трясло. Пыльный воздух пах углем и камнем, стылой весной и все более неизбежным летом.

– Скептики убеждены, что наивыгоднейший момент культурного взаимопроникновения был упущен, – закончил мысль Харитонов и задумчиво погладил бок саквояжа, – но я к таковым не отношусь. И если вы полагаете, что азиаты опустили руки и дали российской столице стать копией любой европейской, то ничего не смыслите о наших восточных соседях. Последние полвека они кинулись внедрять свою культуру и перенимать нашу с аппетитами человека, неделю проплутавшего по лесу и нашедшего котелок с кашей. Хотя внедрений, пожалуй, все же поболее...

Протасов улыбнулся сравнению и снова осмотрел причудливое сочетание архитектурных стилей, резную атрибутику некрофамилианства на деревянных ставнях китайских особняков.

– Ах, Илья Янович, – он помотал головой и хитровато покосился на спутника, – иногда вы умеете быть предельно точным художником описаний!

– Благодарю, Андрей Константинович, – совершенно серьезно ответил тот. – Удручает лишь опасение, как бы в итоге медлительные желтокожие действительно не вытеснили

почитаемые мной готику и ренессанс...

Теперь Илья смотрел в другую сторону, но взглядом все тем же – непроницаемым и прохладным. И только желваки его легко играли, выдавая не то смутное недовольство, не то попытки скрыть обескураженность.

Кварталы неисчислимых дворцов и чиновничьих учреждений остались за правым плечом, и коляска «Толмачевской артели» вырулила на мост Александра Невского.

Протасов сдержанно охнул, и Илья согласно покивал.

Мост действительно впечатлял, как и многое в городе. Современный, широкий и массивный, он подавлял высотой конструкции, невероятной мощностью железа, сотнями могучих тросов и миллионами заклепок.

– Потрясающе, – пробормотал Протасов.

Придержал шляпу, высунулся из-под тента и задрал голову.

– Какая силища! Друг мой, вы только взгляните, как в этом мосте прямо-таки отражается пульсирующее дыхание нашего переменчивого века! Гибкость и монументальность одним разом... Ах, господин Харитонов, если бы в мосты можно было влюбляться, этот был бы фаворитом!

Илья усмехнулся, но осторожно, без лишнего фамильярства.

– Советую обождать с помолвкой, ваше сиятельство, пока не доберемся до Египетского.

– Действительно? – Андрей откинулся на спинку и с ин-

тересом взглянул на собеседника. – Я определенно заинтригован.

Ландолет пересек Обь. Ледоход уже прошел, хотя местами вдоль берегов еще белели пролежни снега. Но водная гладь уже стояла открытой повсеместно, и по реке уже сновали первые летние пароходы.

Сразу после спуска с моста карета нырнула в чехарду улиц, проспектов и просторных площадей, названий которых Андрей Константинович даже не пытался упомянуть.

Город, который молодой граф давно считал оставленным за кормой памяти, снова возвращался в его жизнь, неожиданно и неотвратно. Представал иным, совершенно новым. Будто бы внезапно побелевшим пятном на карте давно исследованного восприятия.

Даже не пытаясь припомнить Протасову, каким тот воспринимал его в годы неугомонного мальчишества, сейчас город фонтанировал образами как объективно зримыми, лежащими на поверхности, так и неявными, угадываемыми лишь интуитивно, глубинным чутьем, но почти всегда безошибочно.

Ново-Петербург стал средоточием наглухо запечатанных дверей, скалящихся со стен черепов, сверкающих шпилей, поистине высоких технологий и летающих левиафанов. Обителью секретов и самых изобретательных пороков, протяжных некрофамилианских таинств, за гроши проданных надежд и закованного в кандалы смеха.

Наперво такое впечатление подавляло и во многом фрустрировало. Но повсеместные менталистические испарения столицы, ее ароматы и тонкие нотки проникали в сознание с эффективностью паров жженого опия, и уже через какое-то время любой, попавший в коварную паутину, начинал испытывать звенящий восторг...

...Еще полчаса покатав по ровным, педантично-выверенным улицам меж квадратных кварталов, извозчик наконец вывел лошадок на Шпалерную.

Илья подался вперед, небрежно похлопал того по плечу.

– Через людской заезжай, милейший. И не гони.

– Будет сделато, ваше благородие, – кивнул мужичок в утепленной ливрее, даже не обернувшись. – В лучшем виде будет сделато.

Он снова покинул Шпалерную, крутанулся в переулок, где лошади пошли почти шагом. Миновал первый дом, пятый, а затем остановил ландолет у кованой калитки в штукатуренной садовой стене.

– Особняк графьев Протасовых, ваше благородие! – он обернулся и кивнул с неумелой почтительностью. – С людского заехано, как прошено было.

– Благодарю, милейший, – Илья первым сошел с кареты, сунул ваньке приготовленные деньги. – Можете перекурить, а затем заносите чемоданы.

Калитка, как и ожидалось, была отперта – графа определенно ждали.

Потянув створку с безупречно смазанными петлями, Протасов вошел первым; Харитонов осмотрел пустой переулок и последовал за ним.

Задний двор дома рассекался на две части – небольшой сад и фамильная усыпальница отгораживались от хозяйственной части живой кустовой изгородью метровой высоты.

Поставив саквояж на скамью, Илья с удовольствием потянул затекшие мышцы и осмотрел графское имение. Его же сейчас осматривал и сам Протасов, вероятно приходя к выводам, что за прошедшие почти десять лет отчий дом изменился совсем едва ли.

Несмотря на высокий статус и удачное месторасположение, двухэтажный дом едва ли можно было назвать шикарным дворцом. Однако, сорок лет назад основательно перестроенный в стиле «сибирский ренессанс», он все же казался одновременно просторным и уютным.

Асимметрия высотности в «башенном крыле» оставалась изюминкой, а придомовые постройки вроде каретного сарая, конюшни или флигеля располагались настолько эргономично, что даже оставалось место под зелень.

Сейчас было невозможно сказать, сохранились ли на фасаде великолепные горельефы с некрофамилианскими сюжетами, но общее добротное состояние особняка указывало – он наверняка продолжал радовать Шпалерную и декоративными полуколоннами, и брамантовыми окнами с аккуратными сандриками, и единственным выразительным эр-

кером, и высокими дубовыми дверьми с полуциркулярной фрамугой.

Легкое покашливание вынудило Андрея прекратить изучение дома и опустить глаза.

У заднего входа в особняк, выстроившись солдатами на параде, стояли пятеро: невысокий и чуть пузатый кореец лет сорока с гаком; красивая, совершенно сибирского вида баба сходного возраста и трое детей-полукровок – две дочери и мальчишка, по прикидке Харитоновы двадцати, шестнадцати и восьми годов соответственно.

– Добрый день, ваше сиятельство, – хозяин «солдатского смотра» стянул картуз, ловко заправил под ремень, поклонился, – добро пожаловать домой!

Его пухлое лицо озарилось искренней добродушной улыбкой. Было заметно, что мужчина не первый год пытается отпустить бороду по русскому образцу, но на азиатской личине подобные эксперименты выходили весьма неубедительными и даже нелепыми. Впрочем, Илья задумался, что таковой нелепостью толстячок давно научился пользоваться себе на угоду...

– Арсений Гувевич Чхве, – без промедления представился тот и вышел вперед, – управляющий делами дома Протасовых. Моя супруга Наталья, она отвечает за стирку, готовку и уборку, дети тоже помогают по хозяйству в меру сил.

По-русски Арсений Гувевич говорил чистейшим образом, что выдавало в нем отнюдь не первое поколение обрусевших

азиатов.

Он выпрямился и всмотрелся в лицо графа так цепко и внимательно, словно пытался сравнить его с фотографическими образами юноши, которого до сего дня знал лишь понаслышке.

Судя по изгибу губ, увиденным остался доволен. А дай волю, так и вовсе бы прокомментировал, до чего рослым и возмужалым стал Андрей Константинович.

Словно дождавшись неведомого сигнала, остальная челядь тоже поклонилась графу на восточный манер, и даже Наталья.

– У вас очень красивые дети, – сказал Протасов, слегка растерявшийся от гостеприимного натиска. – Здравствуйте, Арсений Гувич.

– Ваше сиятельство, – тут же затараторил Чхве, снова кланяясь, – вы, должно быть, меня не помните. Я к вашему отцу Константину Николаевичу Протасову через год после вашего рождения устроился. Начинал в простых слугах. После смерти матушки вашей, Татьяны Львовны, царствие ей небесное, меня его сиятельство Константин Николаевич отослали в Екатеринбург на управление перевозками... вам тогда семь исполнилось...

Андрей обернулся к Илье, покивал сам себе, легко потряс в воздухе тростью.

– Да-да, конечно, отец неоднократно упоминал ваше имя, Арсений Гувич... А вернулись вы лет через десять, верно?

– Совершенно верно, ваше сиятельство! – круглое лицо Чхве снова расплылось в улыбке. – Ровно через десять! Вас уже как год не застал, вы отбыли в колонии. Более меня Константин Николаевич от себя уже не отсылали. Сделали управляющим и приказчиком на месте, они тогда изволили в Главном казначействе служить.

Он сделал еще один шаг вперед и почтительно сложил ладони перед грудью.

– Желаю сразу предупредить, – горячо добавил он, – чтобы вы не изволили беспокоиться о семейном состоянии! У меня все под неперменным приглядом! И конюшни, и карета, и за могилами родительскими ухаживание беспрестанное. Особняк и имущество, все на книгах в полнейшем соответствии...

– Пойдите, дружище, – Андрей нервно хохотнул и снова вскинул трость, но теперь будто отгораживаясь от потока деловых новостей. – Верю, Арсений Гувич, несомненно, верю, но позвольте к делам позже!

В калитку, стараясь не обить углы чемоданов, протиснувшись извозчик. Стал составлять у входа. Средняя дочь Чхве и сын бросились помогать, и через минуту ванька уже укатил.

Граф и прочие молча наблюдали за переноской багажа, будто подбирая темы для неловкого разговора. Пахло влажной землей и едва пробивающейся зеленью, от конюшни потягивало навозом.

Молчание нарушил Харитонов.

Возвратился к калитке, вдумчиво запер на вполне современного вида задвижку; снял котелок, пригладил короткие жесткие волосы и вдруг распорядился, глядя при этом на Протасова:

– Арсений Гуевич, будьте любезны, занесите поклажу в гостиную. Мы разберем чуть позже.

Глаза Арсения из кошачье-миндалевидных стали круглыми. Он только сейчас по-настоящему рассмотрел внешность графского спутника и с откровенным негодованием уставился на примитивные кожные узоры, вызывающее одеяние, серьгу и отвратительно несибирский загар.

Кулаки корейца стиснулись, желваки заиграли, а на виске запульсировала жилка. Илья, впрочем, этих недружелюбных проявлений будто бы и не заметил. Вернул котелок на голову и взглянул в глаза Чхве с видом человека, привыкшего заглядывать и в куда более страшные области.

Глава вторая

*Полагали погибшим. Немедленно
прекратить! План прежний*

Рот управляющего вытянулся в идеально круглую баранку. Но до того, как из него вылетело хоть слово гневной отповеди, Протасов с улыбкой подтвердил:

– Прошу, не удивляйтесь, господин Чхве. Это Илья Шихаевич Харитонов, мой... компаньон, старпом, распорядитель, и *во всех* вопросах верная правая рука.

Пузатый кореец сжал губы.

Моргнул еще раз.

Сглотнул комок и поклонился, теперь чуть мельче.

– Как будет угодно вашему сиятельству. Флигель с графского благословения занимает наше семейство, но Наталья подготовит вашему камердинеру наиболее удобную комнату в подкле...

– Не утруждайте себя, – мягко, но настойчиво перебил новый господин. – Илья займет комнату брата.

Глаза Чхве снова округлились. Андрей улыбнулся, подступил. Добавил по-дружески, в довесок потрепав ошеломленного бедолагу по плечу:

– Ну же, Арсений Гувич, полноте удивляться. Мне еще только предстоит заново привыкнуть к столичным этикетам, но пока...

Он многозначительно проглотил вывод, и широким хозяйским шагом двинулся к дому.

– Разумеется, ваше сиятельство, – ответил Чхве спокойно, но с легкой дрожью в тоне. – Как прикажете.

Затем махнул рукой и коротко приказал на корейском.

Теперь за чемоданы взялись все трое отпрысков. Супруга же отворила графу дверь, а сам Чхве последовал за ним по пятам, с определенной намеренностью опередив Харитонова на входе в особняк.

– Кофий готов, ваше сиятельство, – наконец подала голос Наталья, и он оказался у нее на редкость сильным и грудным, – пусть и распогодилось, но разодеты вы шибко уж легко. Простуду подцепить сейчас не сложнее легкого, прохо-

дите испить первейшим делом!

Процессия обстучала ноги, миновала главную лестницу на второй этаж, вывернула в просторную прихожую, откуда граф проследовал в гостиную. Там, дождавшись появления детей Чхве, Протасов и дал указание составлять багаж.

Дом наполнял приятный аромат пыли, стряпни, прогорающих в печи дров и натирки для деревянной мебели. Под пыхтение младших Чхве чемоданы сгрудились в углу.

Андрей же тем временем прогулялся по гостиной, способной вместить до двух десятков гостей. Осматривался он с откровенным любопытством человека, давно не бывавшего дома. Бросил перчатки и шляпу на стул, миновал пару игровых столов, легко прикоснулся пальцами к спинкам нескольких кресел, приоткрыл двустворчатую дверь в семейную столовую.

Наконец уселся, отставил трость, расстегнул сюртук и ослабил шейный платок.

Илья беззвучно водрузил саквояж на стол для маджонга. Тоже быстро прошел всю комнату, но вдоль окон, выглянул в каждое. Испепеляющего взгляда Арсения Гувевича он, казалось, сознательно не замечал.

Закончив с инспектированием улицы, Харитонов вернулся в порог и подпер плечом дверной проем; теперь мужчина тоже изучал убранство залы, но взгляд его казался отстраненным.

Споро метнувшаяся в кухню, Наталья выплыла обратно с

большим овальным подносом, на котором, однако же, кроме кофейника и блюда с сахаром, обнаружилась всего одна чашка. Выставив на стол у окна, госпожа Чхве наполнила ее густым дымящимся напитком, но Андрей попросил:

– Будьте любезны, уважаемая Наталья, еще чашки вашему супругу и моему компаньону. А еще, быть может, сыщется рюмка коньяку?

– Ой... – та разве что руками не всплеснула. – Простите, ваше сиятельство, сразу не смекнула... Рюмок прикажете одну нести?

– Три, – тепло улыбнулся ей Протасов.

– Две, – осторожно ввернул Арсений, – если позволите...

– Одну, – негромко добавил Илья.

– Как пожелаете, – отмахнулся граф. А Наталье добавил: –

И петрушки веточку.

Уже через пару минут на поднос добавились серебряная рюмка, штоф с янтарно-кирпичным внутри, блюдце с зеленой разлапистой веточкой и еще две кофейных пары. Супруга управляющего чинно разлила, не забывая при этом негромко оправдываться:

– Ваше сиятельство, вы за коньяк только не сердчайте, не Шустова производства. Но продавец обещал качество, да и брат ваш изредка ценили... А вот петрушка хороша должна быть, туркестанская, самый наисвежайший привоз!

– Да полноте оправдываться, Натали, – улыбнулся Андрей.

Поднял рюмку, жестом приглашая остальных угощаться кофе. Арсений и Харитонов взяли – первый с блюдцем, второй проще, – и почтительно разошлись на прежние наблюдательные пункты.

Граф выпил, довольно крякнул, похрустел веточкой.

– Ах, люблю это сочетание! – шумно выдохнул он. – На чужбине ее найти редкость была величайшая... – закинул ногу на ногу, снизу вверх изучая старшего Чхве. – Ну что же вы, Арсений Гуевич, молчите? Мне новости из вас клещами тянуть? Или вы меня к грандиозному подготавливаете?

Толстячок стремительно помрачнел.

Осторожно приблизился к столу; бережно, но с легким перезвоном о блюдце вернул недопитый кофе на поднос, словно рассказ его требовал предельной сосредоточенности и свободных рук. Илья наблюдал за ним поверх тонкостенной чашки, прихлебывая самыми мелкими глотками.

– Ох, ваше сиятельство... – начал Чхве, но Андрей нахмурился.

– Давайте-ка проще, уговор?

– Виноват, Андрей Константинович... – кореец еще раз поклонился сидящему графу, сомкнул ладони у груди. – Пожалуйста, позвольте выразить личные соболезнования по утрате брата.

Протасов тоже потемнел лицом. Бросил быстрый взгляд на Харитонova, покрутил в пальцах пустую рюмку.

– Чего уж там, Арсений Гуевич... восемь месяцев мино-

вало. Да и сибиряку ли по своим мертвым плакать?! Но благодарю сердечно...

Дальше Чхе продолжать отчего-то не стал.

Покусывал губу, потирал сложенные ладони и подбирал слова, оставаясь объектом пристального интереса со стороны Харитонова. Наконец, едва Андрей потерял терпение и хотел поторопить, заговорил. Негромко, быстро, но не тараторя.

– Признаться откровенно, Андрей Константинович, вас мы уже какое-то время полагали погибшим в колониях. Да и не только мы, если откровенно говорить дозволите. Вам-то же я самолично грамотки в департамент отправлять сносил, а вот ответных все не следовало, ни передачей, ни пневмопочтой. Даже весточки малой не приходило, а инстанции высокие о положении дел молчали, хоть тресни!

Он бросил быстрый взгляд на стоявшую поодаль жену, и та едва заметно кивнула, предлагая не робеть.

– Адвокаты уже шарманку завели, что род Протасовых пресекался, – виновато добавил Чхе, а Андрей задумчиво побарабанил пальцами по верхней губе. – Если дозволите предположить, я почти уверен, что они наверняка начали сбор бумаг по отчуждению наследия вашего к ветви Бахметевых...

Протасов вздохнул. Со звоном поставил рюмку на поднос и вдруг улыбнулся, поочередно осмотрев всех в зале.

– Ну что же, друг мой Арсений?! Ан нет! Вот он я – жи-

вой и здоровый, разве что обветрен больше необходимого, да самую толику отвык от столичных масштабов!

– Ох, да, ваше сиятельство, – улыбнулся в ответ Чхве, закланялся мелко и часто, ладонями опять потряс, – радость это превеликая! Адвокаты же рехнутся от новостей, так пусть им черт мозги лечит!

Он вдруг замер и втянул воздуха:

– Однако, Андрей Константинович, вынужден также предупредить, когда мы получили весточку от вас и новость, что вы возвращаетесь в Россию, то раньше конца мая не ждали. Так что, полагаю, документы по передаче наследства еще не до конца оформлены, но я обязательно ускорю...

Андрей легко хлопнул в ладоши, прерывая управляющего. Без усилия поднялся на ноги. Протянул руку, одобряюще положил на плечо Чхве.

– Обстоятельства непреодолимой силы заставили меня прибыть раньше! – торжественно провозгласил он. – Вынудили, так сказать, оседлать попутный ветер! Но да это ничего, Арсений Гувич, что не готовы бумажки-то. К деловым вопросам и наследству мы и вовсе чуть позже перейдем. А пока, друг мой, позвольте выразить вам сердечнейшую благодарность за сохранение родового гнезда в его изумительно-первородном виде!

Он перехватил ладонь немало удивленного толстячка, заключил в своей и пожал, без шутки и баловства, а искренне и крепко.

– Спасибо, господин Чхве! Действительно спасибо, что все это время заботились о текущих делах и доме, будто о собственном! Вы обязательно будете за это вознаграждены.

Тот охнул, пытаясь одновременно отвечать на рукопожатие и кланяться.

– Ваше сиятельство, право не стои...

Протасов не позволил, перебил все так же решительно и громко:

– Вы, кстати, не бедствовали?! Требую отвечать честно!

Теперь, как заметил Харитонов, смутился не только пухлый Чхве, но и его жена. Потупилась, затеребила передник.

– Ни в коем разе, ваше сиятельство, – степенно отчитался Арсений, наконец-то избавленный от крепкой хватки графа. – От времени смерти Павла Константиновича и до дальнейшего разбирательства я взял на себя смелость уважительно распорядиться средствами имения. Распорядиться экономно и рачительно, о чем могу предоставить все необходимые доказательства расписками и строгим перечетом трат, но...

– Это прекрасно, – кивнул Андрей, в который раз осаживая управляющего. Добавил чуть мягче, доверительнее: – У меня нет ни малейших оснований усомниться в вашей рачительности, господин Чхве.

И вдруг прищурился, снова продемонстрировав Харитонову уникальное умение читать по мимике:

– Но позвольте угадать, ведь это же не все причины для

беспокойства?

Арсений чуть не прикусил губу, вовремя сдержался, но Наталья снова ухватилась за передник, будто тот срывало ураганом. Илья скрыл улыбку за глотком кофе – челядь определенно не ожидала такой пронизательности вернувшегося господина.

– Увы, Андрей Константинович, но вы правы, – уже не так уверенно пробормотал Чхве, на этот раз места рукам не находя и чуть ли не пальцы заламывая. – Вопрос как раз особенная касаемый... раз уж вы его состояние так высоко оценили... но в том дело...

– Арсений Гувич, – сказал Харитонов без малейшей эмоции в голосе, и даже не поменяв позы, – рассказывайте уж как есть, не томите.

Тот вздрогнул.

Медленно повернулся к Илье и вовремя проглотил что-то нервно-злое, готовое вырваться на свободу; смерил дикарские татуировки очередным презрительным взглядом; глубоко вздохнул в попытке восстановить спокойствие; повернулся к графу за помощью, однако тот легким жестом подтвердил законность высказанной просьбы.

– Так вот, – кореец облизал губы и судорожно пригладил нелепую бородку. – Про сохранность дома, так сказать... Пару недель назад, Андрей Константинович, в имение проникли злодеи. Положу, решили, что раз за полгода никто из господ не заселился, то и слуги сбежали давно... Вскрыли зам-

ки, вошли ночью, причем необычайно тихо. Мы, как вы знаете, в пристройке обитаем, да и дробовик под рукой, но тут я ничего не услышал, виноват...

Илья перестал подпирать дверной проем.

Прожаживающийся по зале Протасов остановился и с тревогой взглянул на управляющего.

– Много снесли? – уточнил он.

– Слава богу, почти ничего... – Чхве смиренно поклонился. – Немного совсем денег из шкатулки вашего брата на столе, да кой-какие украшения покойной Юлии Сергеевны. Но бардаку все же навели, мерзавцы! Весь кабинет перевернули, каждую полку вытряхнули...

Харитонов отставил пустую чашку на ближайший столик. Спросил тихо, но Арсений Гуевич все равно встрепенулся:

– Жандармы, конечно, бессильны?

Чхве не удостоил выскочку взглядом. Ответил непосредственно графу, которого, судя по виду, неприятность вовсе не расстроила.

– К сожалению. К делу даже приставили чиновника по особым поручениям Ново-Петербургского сыска, но он только и дивится отсутствию следов и зацепок. Когда вы телеграфировали из Иркутска, что скоро окажетесь дома, он просил наипременнейше связаться с ним для разговора.

Протасов взглянул на Илью. Тот оставался непроницаем.

– Сыщик оставил карточку? – уточнил граф.

– Хранится у меня в секретере, – быстро ответил Чхве, –

непрерывно принесу!

– Хорошо, Арсений Гуевич, – пробормотал Андрей, хотя остальным в гостиной было не очень понятно, что же тут хорошего. – И с этим делом мы тоже разберемся чуть погодя...

А Харитонов, совершенно невозмутимый к волчьему взгляду управляющего, вдруг распорядился.

– Прикажете нагреть воды, – попросил он, обращаясь одновременно к Наталье и ее мужу, – первым делом нам непременно нужно вымыться с дороги. Кто, вы говорили, заведует кухней?

– Я... – только и успела сказать женщина.

В следующий миг супруг одарил ее молнией из глаз, мол, ты перед кем ответ держать удумала? Это ж сущий каторжник с виду, да и манерами не лучше! Однако в голос раздражению пробиться не дал, пояснил важно и с откровенной гордостью:

– За воду, Андрей Константинович, беспокоиться не извольте. К позаминувшей зиме Павел Константинович распорядились подрезать особняк в систему центрально-районного отопления. Недешево, конечно, но своего до малой копейки стóбит... Если пожелаете, покажу вам прачечную в подклете, не узнаете! А уж до чего же с этим жить стало проще!

Вот теперь Протасов казался по-настоящему впечатлен. Даже покивал, причем отчасти недоверчиво. Схожие эмоции отразились и на лице Ильи, но тот воспринял новость многим спокойнее.

– Переоборудование уборных основательно поубавило сбережения вашего брата, – добавил Чхве таким тоном, будто самолично залез в родовую казну и растранижил денег, – но граф до последнего верили, что это прекрасные вложения. А уж как тепло зимой!

Илья снова пришел в движение.

Повторил прежний маршрут вдоль окон и быстро осмотрел Шпалерную в обе стороны, а затем задернул шторы под ошарашенными взглядами прислуги. Чхве заметно покраснел, но самовольные действия гостя снова оставил без ответа.

Однако же, когда Харитонов завертел головой в поисках стенника или иной керосиновой лампы, важно подступил к выходу и с демонстративным презрением на лице щелкнул настенным выключателем.

Под потолком залы вспыхнули две электрические люстры.

Андрей потрясенно охнул, Илья с недоверчивым прищуром уставился на проложенные по потолку кабели.

– Подумать только, – хмыкнул Протасов, – домашнее электричество!

– Ваш брат, Андрей Константинович, – с поклоном и вновь не без гордости прокомментировал Чхве, – старались моментально перехватывать любые новинки прогресса, способные сделать жизнь комфортнее.

– Впечатляет, – выразил общее мнение граф. – Однако же, если никто не против, давайте вернемся к делам насущным?

Арсений Гувич, было бы действительно неплохо немного почистить перья после путешествия, а затем, если еще не совсем стемнеет, я отправлюсь в ближайший Дом Даров и проведу инстант с последним приложением брата.

Морщины на бородатом лице стали глубже, и Илья невесело кивнул, словно только того и ждал. Продолжил кружить по просторной комнате, с видом знатока изучая картины на стенах. Несмотря на угрожающий вид, сейчас он казался усталым и немного грустным.

Протасов, заметив невольную реакцию управляющего, всплеснул руками, но все же уточнил:

– Предположу, Арсений Гувич, что сейчас вы подтвердите мои самые невеселые предположения?

– Увы, Андрей Константинович... – охнул Чхве, устался в пол, затеребил край длинного купеческого жилета. – Предположу, что Павел Константинович об этом распространяться не стали даже в ваш адрес... Но после увольнения со службы его сиятельство становились все более открытым отрицателем и следов на камне не оставили.

Толстячок вдруг екнул, словно лишнего сболтнул:

– Нам-то его сиятельство ничего не запрещали... впрочем, и не поощряли. И сами в некрофамилианский храм-то хаживать изволили, конечно, причем нередко... но по слухам все на инстанты. Ее сиятельство Юлия Сергеевна, упокой Господь ее душу, тоже тому пути последовала. А к концу весны прошлой Павел Константинович и вовсе на экстрак-

цию решились...

Кореец в очередной раз втянул воздуха, будто собираясь с силами, и действительно поделился с Протасовым, застывшим за спинкой кресла:

– Не велите казнить, ваше сиятельство, как на духу признаюсь, но я взял смелость проверить. Хотел посоветоваться. Узнать, как особняк лучше содержать, как развитие вести. И даже не один обол из личных средств на это употребил. Но Юлия Сергеевна в мортините многократно более меланхолична, чем при жизни, в беседы вступают, словно силком тянешь, а следов господина Протасова сыскать и вовсе не случилось...

Илья остановился у камина, задумчиво провел пальцем по чугунной статуэтке лошади на мраморной полке. Склонил голову, будто прислушиваясь к уличному шуму за окнами или внимательно обдумывая слова Чхве. Андрей побарабанил пальцами по резной спинке кресла, уставился в дальний угол и покивал сам себе.

А Наталья вдруг всхлипнула, причем громко, гулко, но совершенно по-бабьи:

– Горе-то какое, вашество... Так и не услышал дом этот детского смеха, но так хоть вы теперь возверну...

Харитонов повернулся в ее сторону совсем чуть-чуть. И велел-то негромко, но прозвучало так хлестко, будто кнутом тяжелым щелкнули.

– Немедленно прекратить! – бросил он, продолжая раз-

глядывать статуэтку.

Женщина умолкла на полувсхлипе, прижала ладони к лицу и выскочила в смежную комнату.

Арсений побагровел, стиснул кулаки и даже надвинулся на Илью, сейчас стоявшего к нему спиной. Скрипнула паркетина, тот чуть склонил голову, плечи окаменели, но Протасов звонко прихлопнул ладонью по игровому столу.

Чхве замер, обернулся; сглотнул комок, отступил на прежнюю позицию.

– Прошу извинить моего помощника, Арсений Гувич... – задумчиво сказал Андрей, хотя искреннего извинения в голосе не прозвучало. И вдруг сменил тему, заставив управляющего особняком даже приоткрыть рот: – А вы, как я сумел уловить, тоже ко двору некрофамилианскому дружеских сношений не имеете?

Кореец смерил крепкую спину Харитонова уничижительным взглядом, затем запоздало поклонился графу.

– Никак нет, Андрей Константинович, – ответил он, и голос еще подрагивал от злости. – Православные мы, ваше сиятельство. Однако ж если иконы способны недовольство вызывать, я лично уберу все...

– О, не стоит утруждаться, к ним я привык еще при жизни папеньки... – Андрей потрогал пальцем кончик носа. – Во всяком случае, пока точно оставьте. Этот вопрос мы решим позже, но я не думаю, что кто-нибудь окажется обижен.

Он заметил нерешительность на лице Чхве и кивнул, доз-

воля любой последующий вопрос.

– А вы, Андрей Константинович, не сочтите за дерзость и дозвольте также узнать? – Арсений переступил с ноги на ногу и торопливо пояснил: – Для управления домом любая мелочь важна, знаете ли...

– Не отрицатель ли я?

Протасов улыбнулся, немного невесело, немного едко.

– Что же, господин Чхве, – признал он и чуть развел руки в мнимом покаянии, – так уж вышло, что к таковым можно отнести и вашего покорного слугу. Даже несмотря на энное число курсов училища и прохождение духовных практик некрофамилианства в русских колониях. Однако нетерпимости не испытываю ни к одной из конфессий, включая упомянутое взаимодействие с Дарами. Да и веры в отсутствие смерти как таковой решение сие не убавило. Не так ли, Илья Альбертович?

Теперь Харитонов развернулся к камину спиной, скрестил руки на груди и оперся лопатками о каминную полку. Глаза его – вновь безжизненные, будто у опасной змеи, – впелись в графа.

– Все так, ваше сиятельство, – прошелестел он. – Мне бы не удалось описать ваше отношение к духовности более метко.

Арсений Гуевич чуть-чуть отступил от Ильи, смутился, оправил заправленный за ремень картуз.

– Где похоронен Павел? – вдруг спросил Протасов.

– Здесь он, в особняке и остался! – выпалил Чхве, определенно обрадованный переменой темы: – Павел Константинович ведь даже когда... когда отрицательствовать начали, все больше про кремацию упоминали, дабы по стопам деда вашего Николая Александровича... А к началу осени адвокаты вопрос в эту сторону и порешили. Костей на убранство Домов, конечно, брать не дозволили, но прах вашего брата домой возвернули. В семейном колумбарии он, во дворе и покоится...

– Идемте, – незамедлительно распорядился Андрей.

– Сейчас же?

– Да, сейчас же. Ванна обождет, особенно если не нужно тратить время на разогрев десятков ведер воды!

Прежним путем в обход главной лестницы граф, за ним Чхве и следом Харитонов вернулись во дворик особняка. Наталья тут же неслышной тенью проскочила в гостиную прибрать чашки и кофейник.

В дверях Чхве что-то пробормотал по-корейски. И будто бы даже надулся, решив при помощи физических комплекций не позволить иноземному выскочке выйти прежде него, но Илья и не стремился опережать. Улыбнулся, бросил котелок на пуф и покинул дом последним.

Снаружи Харитонов осмотрелся. Внимательно оглядел подпирающие двор окрестные дома, запертую калитку, пустующие пока, но уже вычищенные от жухлой травы клумбы.

Вечерело, на столицу опускались торопливые весенние

сумерки.

Беседка семейного колумбария оказалась крохотной, два на два метра внутренней площади; но красивой, выстроенной с любовью и недешево. Множество пустующих ниш с безликими заслонками перемежались редкими поименованными. В том числе – Павла Константиновича Протасова и его супруги.

Чхве отпер узкую дверь ключом с массивной связки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.